

Кража в Венеции

Библиотеку Мерула потрясает тревожное известие: американский ученый Никерсон вырезал и унес несколько десятков страниц из редчайших фолиантов XVI века. Детектив Брунетти выясняет, что помимо Никерсона в читальном зале находился лишь священник Альдо Франчини. Этот завсегда́тай библиотеки, человек, который буквально жил книгами, — единственный, кто может пролить свет на эту темную историю. Брунетти решает поговорить с Франчини. Но священника находят мертвым. А в американском университете утверждают, что никакого доктора Никерсона не существует...

ДОННА
ЛЕОН

КРАЖА
В ВЕНЕЦИИ

Донна Леон
Кража в Венеции

РОМАН

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Donna Leon and Diogenes Verlag AG, Zurich, 2014

© DepositPhotos.com / manualvarezfoto, alexnore, обложка, 2020

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-8220-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Бібліотеку Мерула приголомшує тривожна звістка: американський вчений Нікерсон вирізав і забрав кілька десятків сторінок з дуже рідкісних фоліантів XVI століття. Детектив Брунетті з'ясовує, що крім Нікерсона в читальному залі перебував лише священник Альдо Франчіні. Цей завсідник бібліотеки, людина, що буквально жила книжками, — єдиний, хто може пролити світло на цю темну історію. Брунетті вирішує поговорити з Франчіні. Але священника знаходять мертвим. А в американському університеті стверджують, що ніякого доктора Нікерсона не існує...

Леон Д.

Л47 Кража в Венеции : роман / Донна Леон ; пер. с англ. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-0-434-02302-8 (англ.)

ISBN 978-617-12-8104-2

Библиотеку Мерула потрясает тревожное известие: американский ученый Никерсон вырезал и унес несколько десятков страниц из редчайших фолиантов XVI века. Детектив Брунетти выясняет, что помимо Никерсона в читальном зале находился лишь священник Альдо Франчини. Этот завсегда́тай библиотеки, человек, который буквально жил книгами, — единственный, кто может пролить свет на эту темную историю. Брунетти решает поговорить с Франчини. Но священника находят мертвым. А в американском университете утверждают, что никакого доктора Никерсона не существует...

УДК 821.111

Печатается по изданию:

Leon D. By Its Cover / Donna Leon. — London : William Heinemann, 2014. — 256 p.

Перевод с английского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Посвящается Джудит Фландерс

Каким бы ничтожеством он ни был, теперь он мой брат.
Из оратории «Саул» Г. Ф. Генделя

1

Скучный понедельник, скучная работа. Полдня ушло на изучение письменных свидетельских показаний о драке двух таксистов, в результате которой один оказался в больнице с переломом правой руки и сотрясением мозга. Опрошены: супружеская пара американцев (попросили консьержа своей гостиницы вызвать для них водное такси до аэропорта), консьерж (позвонил таксисту из числа тех, чьи услуги гостиница обычно пользуется), носильщик (сделал то, за что ему, собственно, и платят — погрузил багаж американцев в такси, которое как раз подошло к причалу) и оба таксиста (пострадавшего пришлось навестить в больнице). Из всего этого разнообразия Брунетти заключил, что таксист «партнерской фирмы» был неподалеку, когда консьерж ему позвонил, но, добравшись до гостиницы, увидел у причала другой катер. Таксист пришвартовался, громко произнес фамилию американцев, которую сообщил ему консьерж, и сказал, что в аэропорт они едут с ним. Второй таксист тут же заявил, что как раз проезжал мимо, носильщик помахал ему рукой и свой заказ он не уступит. Носильщик все отрицал; он твердил, что всего лишь помог клиентам с багажом. Как-то само собой получилось, что таксист, в чей катер носильщик уложил багаж, очутился на палубе второго водного такси. Американцы были в бешенстве: они все-таки опоздали на рейс.

Брунетти знал — но не мог этого доказать, — как все было: носильщик махнул рукой проезжавшему мимо таксисту, надеясь получить процент от заказа и оставить консьержа с носом. Ясно, что будет дальше: никто не скажет правды и американцы уедут, не имея ни малейшего понятия о том, что же произошло на самом деле.

Мысленно подводя итог, Брунетти даже о кофе забыл, хотя еще минуту назад мечтал выпить чашечку. Неужели он, совершенно неожиданно для себя, нашел некое космическое объяснение современной мировой истории? Комиссар улыбнулся: только бы вечером не забыть рассказать об этом Паоле, а еще лучше упомянуть об этом на следующий вечер, на званом ужине в доме ее родителей. Он

надеялся, что ко`нте[1], как ценителя парадоксов, это позабавит. А уж тещу — наверняка.

Прервав размышления, Брунетти спустился по лестнице на первый этаж квестуры[2] в надежде, что кофе поможет ему дожить до вечера. Но выйти на улицу комиссар не успел: офицер, дежуривший у коммутатора, постучал по стеклу своей крошечной стеклянной кабинки и жестом попросил его подойти. Когда Брунетти вошел в кабинку, дежурный как раз говорил в телефонную трубку: «Думаю, вам следует побеседовать с комиссарио[3], дотторесса[4]. Это по его части». И вручил телефон ему.

— Брунетти слушает!

— Вы — комиссар полиции?

— Да.

— Это дотторесса Фаббиани, заведующая библиотекой Мерула. Нас обокрали. И похоже, не единожды.

Голос у нее был прерывистый — так (комиссар знал это по опыту) часто говорят жертвы мошенничества или нападения.

— Украдены книги из ваших фондов? — спросил Брунетти.

Он бывал в этой библиотеке пару раз, еще в студенческие годы, но потом и думать о ней забыл.

— Да.

— Что именно украдено? — поинтересовался Брунетти, мысленно прикидывая, какие еще вопросы задать — разумеется, в зависимости от того, что она ему ответит.

— Мы еще не выяснили этого... подробно. Но то, что из нескольких книг вырезаны страницы — несомненно.

Брунетти слышал, как собеседница шумно набирает воздух в грудь.

— Сколько именно страниц вырезано? — уточнил он, пододвигая к себе блокнот и карандаш.

— Не знаю. Я только что обнаружила пропажу. — На последних словах ее голос изменился, стал более напряженным.

На другом конце линии заговорил какой-то мужчина, и собеседница, скорее всего, отвернулась, чтобы ему ответить — ее голос ненадолго стал трудноразличимым. Мгновение, и на том конце линии замолчали.

Брунетти вспомнил, насколько сложна процедура получения книг в городских библиотеках, и спросил:

— У вас остались записи о том, кто брал эти книги, не так ли?

Удивится ли дотторесса Фаббиани, услышав этот вопрос от полицейского? Что он вообще знает о библиотеках? Так или иначе, женщина ответила не сразу.

— Конечно! — И чтобы окончательно поставить его на место, добавила: — Мы как раз просматриваем их.

— Вы узнали, кто это сделал? — поинтересовался Брунетти.

Последовала еще более долгая пауза.

— Вероятнее всего, один ученый, — наконец сказала женщина и добавила, как будто Брунетти обвинил ее в халатности: — Он представил все необходимые документы, подтверждающие его личность.

Такой ответ ему не раз приходилось слышать от бюрократов, стоило замаячить на горизонте подобному обвинению.

— Дотторесса, — произнес Брунетти, как он надеялся, убедительным, профессиональным тоном, — нам понадобится ваша помощь, для того чтобы идентифицировать его личность. Чем быстрее мы отыщем преступника, тем меньше времени будет у него на то, чтобы продать украденное.

Комиссар не видел причин скрывать от дотторессы Фаббиани столь очевидный факт.

— Но книги испорчены! — В ее голосе было такое отчаяние, словно речь шла о смерти любимого человека.

Для библиотекаря порча книг ничуть не лучше кражи... Брунетти понимал это.

Уже более официальным тоном он продолжил:

— Я приеду так быстро, как только смогу, дотторесса. Пожалуйста, ничего там не трогайте. — И прежде чем она успела возразить, добавил: — Мне бы хотелось увидеть оставленные преступником документы.

Не дождавшись ответа, комиссар повесил трубку.

Библиотека находилась на Дза`ттере[5], но где именно, Брунетти не помнил. Повернувшись к дежурному, он сказал:

— Если меня будут спрашивать, я в библиотеке Мерула. Позвони Вианелло и скажи, пусть возьмет пару помощников и отправляется туда же снимать отпечатки.

На улице комиссар поискал глазами Фоа. Тот стоял, скрестив руки и опираясь о металлическую ограду, тянущуюся вдоль канала. Голова Фоа была слегка откинута, глаза зажмурены от яркого, несмотря на раннюю весну, солнца... Но не успел Брунетти подойти к водителю полицейского катера, как тот спросил:

— Куда едем, комиссарио?

И только потом открыл глаза.

— В библиотеку Мерула, — последовал ответ.

И, словно заканчивая фразу за него, Фоа подхватил:

— Дорсодуро[6], 3429.

— Откуда ты знаешь?

— Мой шурин с семьей живет в соседнем доме, так что с адресом ошибиться трудно, — ответил Фоа.

— А я уж испугался, что лейтенант ввел новое правило для водителей: выучить на память все городские адреса!

— Те, кто с детства плавают по здешним каналам, и так знает, где что находится, сэр. Лучше, чем GPS, — сказал Фоа, постучав себя пальцем по лбу.

Он оттолкнулся от ограды, выпрямился и пошел было к своему катеру, но на полпути остановился и посмотрел на Брунетти:

— Вы, случайно, не слышали, что с ними стало, сэр?

— Что ты имеешь в виду? — растерялся Брунетти.

— Ну, GPS!

— Какие еще GPS?

— Те, которые заказали для наших лодок, — ответил Фоа.

Брунетти по-прежнему стоял, ожидая объяснений.

— Недавно я разговаривал с Мартини, — продолжал Фоа. Так звали офицера-снабженца, к которому обращались, когда ломалась рация или был нужен новый проблесковый маячок. — Он показал мне накладную и спросил, не знаю ли я случайно, хорошие это GPS или нет. Ну, та модель, что они заказали.

— А ты в них разбираешься? — спросил Брунетти, недоумевая, к чему весь этот разговор.

— Не только я, сэр, все в курсе. Это полное фуфло. Таксисты не берут себе такое. Я знаю только одного из них, кто купил себе такую GPS, и он так возненавидел ее за день, что в конце концов сорвал с

лобового стекла и швырнул за борт. — Уже у самого катера Фoa снова притормозил. — То же самое я сказал Мартини.

— И что он сделал?

— А что он может сделать? Приборы заказали из центрального управления в Риме, и кто-то из тамошних получил мзду от поставщика, и еще кто-то — когда утвердил этот заказ. — Водитель пожал плечами и ступил на борт.

Комиссар последовал за ним, все еще не понимая, зачем Фoa рассказывает ему это. Наверняка ведь знает, что он, Брунетти, здесь бессилен. Так уж у них все устроено...

Фoa завел мотор.

— Если верить Мартини, накладная была выписана на дюжину экземпляров, — сказал он, делая ударение на слове «дюжина».

— А лодок у нас всего шесть, верно? — спросил Брунетти, но Фoa не стал утруждать себя ответом.

— Как давно это было?

— Пару месяцев назад. Этой зимой — так будет точнее.

— А ты не знаешь, их хотя бы привезли? — поинтересовался Брунетти.

Фoa прищелкнул языком, чуть вздернув подбородок, и этот жест показался комиссару смутно знакомым. «Так делают арабы, когда что-то кажется им нелепым, смехотворным», — вспомнил он.

Брунетти снова оказался на распутье, когда тебя, шагающего вперед, вдруг отбрасывает обратно, а шаг в сторону приближает к цели. А можно просто закрыть глаза, усесться поудобнее и вообще не шевелиться... Если, поговорив с Мартини, он узнает, что GPS-системы были заказаны и оплачены, но в наличии их нет, это будет уже его проблемой. Можно попытаться выяснить что-то в частном порядке, а может, и предотвратить дальнейшее разбазаривание казенных средств. Или попросту проигнорировать все это, ведь есть вопросы поважнее или хотя бы не настолько безнадежные.

— Как думаешь, весна уже наступила? — спросил Брунетти у водителя.

Фoa глянул в сторону, усмехнулся: он понял начальника без слов.

— Думаю, да, сэр. Я на это надеюсь. Осточертели этот холод и туман.

Катер повернул, и, оказавшись в *бачино*[7], мужчины дружно охнули. В этом не было ничего театрального, никакого эпатажа или самовыражения. Обычная человеческая реакция на нечто сверхъестественное, невероятное. Они едва не уткнулись носом в корму одного из новейших круизных судов. Громадная металлическая масса слепо уставилась на них в ответ, словно бросая вызов: «Только попробуйте пикнуть!»

Семь, восемь, девять... нет, десять этажей! Разве это мыслимо? Лайнер заслонил собой все: город, дневной свет, здравый смысл и понимание того, что правильно, а что — нет. Брунетти и Фoa пришлось плыть следом за ним, наблюдая за тем, как создаваемая им кильватерная струя медленно, лавинообразно накатывает с двух сторон на *ри́ва*[8] — одна маленькая волна, за ней еще и еще... Трудно представить, что творит эта масса потревоженной воды там, в глубине, с каменными фундаментами домов и многовековыми сваями, на которых эти фундаменты держатся! Внезапно стало нечем дышать: капризный порыв ветра прибил выхлопные газы лайнера к воде, и катер оказался под ними. Несколько секунд, и воздух снова наполнился сладким ароматом весны, набухших почек, молодых листочков, свежей травы и той смешливой радостью, с которой природа начинает свое новое шоу...

В десятках метров над ними, опираясь на перила, стояли пассажиры. Как подсолнухи к солнцу, они все разом повернулись к красотам *пьяцца*[9], ее куполам и восхитительной колокольне. С другой стороны лайнера появился *вапоретто*[10], плывущий в противоположном направлении. Люди на палубе, без сомнения венецианцы, возмущенно грозили кулаками тем, кто был на круизном судне. Но туристы смотрели в другую сторону, не замечая «дружелюбных» аборигенов. Брунетти вспомнился капитан Кук, которого в свое время не менее «дружелюбные» аборигены уволокли на берег, убили и съели. «А вот это было бы неплохо», — пробормотал он себе под нос.

Проплыв немного вдоль набережной *Дзаттере*, Фoa пристал к правому берегу, дал задний ход, переключил мотор на нейтральную передачу и позволил катеру остановиться. Водитель схватил швартов, прыгнул на мостовую, наклонился и быстро привязал его. Потом подал Брунетти руку и помог ему сойти на берег.

— Понятия не имею, насколько это затянется, — сказал ему комиссар. — Тебе лучше вернуться.

Но Фoa не слушал его. Он провожал взглядом корму круизного судна, медленно направлявшегося к морскому вокзалу Сан-Базилио.

— Я читал, что решение по поводу таких судов не будет принято, пока органы власти не договорятся между собой, — сказал Брунетти на венециано[11].

— Знаю, — ответил Фoa, не сводя глаз с лайнера. — Маджистрато алле Акве[12], региональные власти, городская хунта, руководство порта, какое-нибудь из римских министерств...

Он сделал паузу, глядя вслед гиганту, который уплывал прочь, почти не уменьшаясь при этом в размерах. Затем дар речи вернулся к Фoa и он назвал нескольких чиновников поименно.

Брунетти доводилось слышать эти фамилии, но не все. Трех бывших муниципальных служащих, из самых верхов, Фoa упомянул с особым чувством — так забивают три последних гвоздя в крышку гроба.

— Не понимаю, почему это нельзя решить в более узком кругу? — произнес Брунетти.

Фoa происходил из семьи, жизнь которой десятилетиями была неразрывно связана с лагуной[13]. Рыбаки, торговцы рыбой, моряки, водители, механики АСТV...[14] Они успели стать ее частью, осталось лишь отрастить жабры. Естественно, если кто и знал все тонкости местной «водной» бюрократии, то это Фoa и ему подобные.

Водитель улыбнулся; так учитель улыбается самому тупоголовому ученику — ласково, жалостливо и снисходительно.

— Думаете, все эти восемь отдельно взятых комитетов хоть что-нибудь решат?

Брунетти посмотрел на водителя, и тут его осенило:

— А ведь только единодушное решение остановит корабли!

Этот вывод заставил Фoa улыбнуться еще шире.

— Можно бесконечно обсуждать и взвешивать все за и против, — сказал он, не скрывая восхищения столь изящным ходом: привлечь к решению проблемы такое количество государственных учреждений. — И при этом получать зарплату, ездить за границу «для обмена опытом», проводить собрания и обсуждать проекты и планы! — И

добавил, вспомнив недавнюю статью в *Il Gazzettino*[15]: — А еще — нанимать собственных жен и детей в качестве консультантов.

— И подбирать небольшие подарочки, которые нет-нет да и падают со стола какой-нибудь судоходной компании? — предположил Брунетти, прекрасно понимая, что подает своему коллеге в полицейской униформе дурной пример.

Улыбка Фoa потеплела, но он не стал отвечать, лишь указал в сторону набережной узкого канала:

— Вам туда! Немного не доходя до моста. Зеленая калитка.

Комиссар махнул рукой, благодаря его за то, что подвез, и за подсказку. Мгновение — и мотор снова завелся. Обернувшись, Брунетти увидел, как полицейский катер разворачивается по широкой дуге и уплывает по каналу в обратном направлении.

Комиссар отметил про себя, что мостовая мокрая и возле домов, мимо которых он проходил, большие лужи. Любопытства ради он подошел к краю *рива* и посмотрел вниз, на воду; до нее было не меньше полуметра. Нижняя точка отлива... *Аква альта*[16] ни при чем, да и дождя давно не было. Остается единственное объяснение, как сюда попала вода — ее «расплескало» проходившее мимо судно. И после этого их всех — его, Брунетти, и остальных граждан Венеции, которых городская администрация считает имбецилами, — пытаются убедить в том, что корабли не разрушают городской фундамент?

Разве большинство людей, принимающих такие решения, не венецианцы? Разве это не их родной город? Разве их дети не ходят в местные школы и университеты? Возможно даже, во время заседаний чиновники разговаривают на венециано...

Брунетти рассчитывал, что по дороге к библиотеке вспомнит и прилегающие к ней дома, но нет, память так ничего ему и не подсказала. Не смог он вспомнить и того, всегда ли библиотека Мерула располагалась именно в этом *палаццо*[17]: это была задача скорее для какого-нибудь Аркивио сториико[18], а не для полиции, в архивах которой нет документов, составленных в прошлом тысячелетии.

Зеленая калитка была открыта, и, войдя в нее, Брунетти подумал, что все здесь кажется ему знакомым, хотя на самом деле внутренний дворик эпохи Возрождения ничем не отличался от сотен других венецианских двориков — с крыльцом и наружной лестницей, ведущей на второй этаж, и старинным колодцем под металлической

крышкой. Колодец был каменный, и Брунетти просто не мог не подойти и не полюбоваться прекрасно сохранившейся резьбой: несколько пар пухленьких ангелочков, поддерживающих семейный герб, которого комиссар не узнал. Некоторые крылья не мешало бы подновить, но в остальном орнамент был в отличном состоянии. «Вероятно, четырнадцатый век», — прикинул Брунетти. В том месте, где металлическая крышка соприкасалась с камнем, по всей окружности колодца была выложена резная цветочная гирлянда. Поразительно, но ее Брунетти вспомнил сразу — чего не скажешь об остальном.

Комиссар направился к крыльцу, широкие мраморные перила которого были украшены резными львиными головами, каждая размером с ананас. Он поднялся по ступенькам, мимоходом погладив парочку из них. Первый лестничный пролет привел Брунетти к двери, рядом с которой, на стене, висела новая латунная табличка: «Библиотека Мерула».

Брунетти шагнул в здание, в прохладу. К этому времени на улице заметно потеплело, и он уже начал жалеть о том, что надел шерстяной пиджак, но тут внезапно ощутил, как высыхает пот на спине.

В небольшой приемной сидел за столом молодой мужчина с модной двухдневной щетиной; перед ним лежала раскрытая книга. Он посмотрел на Брунетти, улыбнулся, а когда тот подошел к столу, спросил:

— Могу я вам чем-то помочь?

Брунетти достал из бумажника служебное удостоверение и продемонстрировал его.

— А, понятно... Вам к дотторессе Фаббиани, синьор, — сказал мужчина. — Она наверху.

— А разве библиотека находится не в этом помещении? — спросил Брунетти, указывая на дверь у мужчины за спиной.

— Здесь современная коллекция. Редкие книги хранятся наверху. Подниметесь по лестнице на второй этаж. — Заметив растерянность собеседника, он пояснил: — В библиотеке была перестановка. — И, улыбнувшись, добавил: — Лет десять назад. Я тогда тут еще не работал.

— А я если и бывал здесь, то гораздо раньше, — сказал Брунетти и повернул к лестнице.

За неимением львиных голов комиссар пробежал пальцами по покатым мраморным перилам, сглаженным столетиями. Лестница привела его ко второй двери с кнопкой звонка. Комиссар нажал на нее, и через непродолжительное время ему открыл человек в синем форменном пиджаке с медными пуговицами, с короткой, на военный манер, стрижкой. Брунетти подумал, что этот мужчина, должно быть, на пару лет моложе его. Он был среднего роста, коренастый, с ясными голубыми глазами и тонким, чуть скошенным набок носом.

— Вы — комиссар полиции? — спросил он.

— Да, — ответил Брунетти, протягивая руку для приветствия. — Гвидо Брунетти.

Мужчина ответил ему коротким рукопожатием.

— Пье́ро Сартор, — сказал он.

И отступил, пропуская комиссара в помещение, похожее на билетную кассу небольшого провинциального железнодорожного вокзала. Слева Брунетти увидел деревянную стойку около метра высотой; на ней стояли компьютер и два деревянных лотка для документов. За стойкой, у стены, стояла маленькая этажерка на колесиках, на которой были сложены стопками книги, с виду старинные.

Может, в той библиотеке, которую Брунетти посещал еще студентом, и не было компьютера, но пахло там точно так же. При виде старинных книг он всегда испытывал смутную тоску по временам, жить в которые ему не довелось. Книги эти были напечатаны на бумаге, сделанной из старой одежды — разорванной в клочья, перетертой в порошок, который затем смачивали водой, снова растирали и вручную формировали из этой массы большие листы, которые после прохождения через печатный пресс многократно сгибали, собирали вместе и прошивали — опять-таки вручную... «Столько усилий для того, чтобы запечатлеть, кто мы есть и о чем думаем», — погрузился в размышления Брунетти. Ему нравилось брать в руки старинные фолианты, ощущать их текстуру и вес, но больше всего ему запомнился этот сухой ненавязчивый запах — попытка прошлого стать явью и для него тоже...

Мужчина в синем пиджаке закрыл дверь, вернув гостя к реальности, повернулся и сказал:

— Я — охранник. Это я нашел ту книгу...

Судя по тону, он был очень горд собой, хотя и пытался не показывать этого.

— Ту, что была испорчена? — уточнил Брунетти.

— Да, сэр. Дело было так: я отнес книгу из читального зала вниз, на абонементный стол, и когда дотторесса Фаббиани ее открыла, она увидела, что несколько страниц вырезано.

Гордость сменило возмущение и что-то похожее на гнев.

— Ясно, — сказал Брунетти. — Это входит в ваши обязанности — приносить книги из читального зала?

Ему было любопытно, что именно в подобных учреждениях требуется от охранника. Скорее всего, неожиданная словоохотливость Сартора при общении с полицией объясняется именно тем, что он охранник.

Взгляд, быстрый и испытующий, который Сартор бросил на Брунетти, можно было бы назвать как встревоженным, так и смущенным.

— Нет, сэр. Но я читал эту книгу. Не всю, несколько глав... Поэтому я сразу же узнал ее и подумал, что не стоит оставлять ее на столе, — выпалил Сартор. — Автор — Кортес... Ну, тот испанец, который поплыл покорять Южную Америку.

Похоже, охранник задумался, как бы лучше все это объяснить; речь его замедлилась.

— Тот посетитель был в таком восторге от книг, которые читал, что и меня охватило любопытство. Дай, думаю, и я почитаю...

Интерес Брунетти был очевиден, и Сартор продолжил:

— Он американец, но очень хорошо говорит по-итальянски, — и не подумаешь, что иностранец! Ну, у нас с ним вошло в привычку болтать, когда я сидел на своем месте, за столом, а он ждал, когда принесут книги из хранилища.

Сартор немного помолчал, но, увидев выражение лица комиссара, продолжил.

— Днем у нас маленький перерыв, но я не курю и не могу пить кофе, — сказал он и пояснил: — Желудок... Раньше пил, теперь не могу. Перешел на зеленый чай, но ни в одном соседнем баре его не найдешь. Ну, такого, как я предпочитаю. — Прежде чем Брунетти успел спросить, зачем он все это рассказывает, Сартор произнес: — Вот так у меня появилось полчаса свободного времени. Идти никуда

не хотелось, и я начал читать. Бывает, посетители — ну, ученые, что приходят сюда работать, — рассказывают о книгах, и я беру их, чтобы прочесть. — Сартор взволнованно улыбнулся, словно признавая, что преступил границу, некий социальный барьер. — Зато вечером, придя домой, мне есть что рассказать жене.

Для Брунетти это было особое удовольствие — подмечать моменты, когда люди делают и говорят нечто совершенно неожиданное, плохое или хорошее. Так, однажды, когда его коллега упомянул о том, что после семнадцати часов мучений (его жена производила на свет первенца) ему прискучили ее стоны, Брунетти едва не отвесил ему оплеуху — но сдержался. Сейчас он почему-то вспомнил соседского кота, который по ночам свободно выходит через кухонное окно, чтобы погулять по крышам, и каждое утро возвращается не с мышкой, а с бельевой прищепкой в зубах — подарок ничем не хуже «интересной» истории, которую Сартор по вечерам приносит жене...

Желая услышать рассказ целиком, Брунетти спросил:

— Эрнан Кортес?

— Да, — ответил Сартор. — Он завоевал город в Мексике, который называли Венецией ацтеков. — Охранник осекся, а потом уточнил, чтобы Брунетти не счел его глупцом: — Так его называли европейцы, а не аборигены.

Комиссар кивнул, давая понять, что он в курсе.

— Написано интересно, хотя автор и благодарит Господа после каждой кровавой расправы. Не то чтобы мне это нравилось, но он же писал королю, и, наверное, так было принято — ну, говорить такое... Зато когда речь идет о стране, о местном населении — не оторвешься! Моей жене тоже очень понравилось.

Сартор посмотрел на Брунетти; его одобрительной улыбки увлеченного читателя, адресованной такому же читателю, оказалось достаточно, чтобы рассказ продолжился.

— Интересно узнавать, насколько все тогда было по-другому. Я осилил только часть книги, но хотел бы ее дочитать. В общем, я сразу узнал название — *Relacio`n*[19] — когда увидел книгу на столе, ну, там, где он обычно сидел, взял ее и отнес на первый этаж, потому что подумал: лучше не оставлять ее без присмотра.

Брунетти предположил, что безымянный «он» — это вероятный злоумышленник, который вырезал страницы из книги, поэтому спросил:

— Почему же вы отнесли книгу вниз, ведь этот человек с ней работал?

— Рикардо, парень с первого этажа, сказал, что видел, как американец спускался по лестнице, пока я обедал. Раньше такого не случалось. Он всегда приходил вскоре после открытия библиотеки и сидел чуть ли не до вечера. — Сартор ненадолго задумался и продолжил с неподдельным беспокойством в голосе: — Не знаю, обедал ли вообще этот человек... Надеюсь, он хотя бы делал это не в читальном зале. — И, словно устыдившись своих слов, добавил: — В общем, я решил подняться и посмотреть, вернется он или нет.

— И как бы вы могли это узнать? — искренне удивился Брунетти.

Сартор лукаво усмехнулся.

— Если бы вы проработали здесь столько же, сколько и я, синьор, вы бы все поняли. Если на столе нет ни карандашей, ни разноцветных маркеров, ни блокнота... Это трудно объяснить, но я просто знаю, закончил читатель на сегодня или нет.

— И вы убедились, что этот человек закончил?

Охранник выразительно кивнул.

— На том месте, где он обычно сидел, книги были сложены в стопку, а настольная лампа выключена. И я понял, что он уже не придет. Я взял книгу и отнес ее вниз, на основной стол.

— Это было что-то из ряда вон выходящее?

— Для него — да. Он всегда сам относил книги обратно.

— В котором часу он ушел?

— Точно не скажу, сэр. Но раньше, чем я вернулся, до половины третьего.

— И что было потом?

— Как я уже говорил, Рикардо сообщил мне, что американец ушел, и я поднялся на второй этаж — проверить, что с книгами все в порядке.

— Вы всегда так поступаете? — поинтересовался Брунетти.

Услышав этот вопрос, охранник впервые встревожился. Но с ответом тянуть не стал:

— Не совсем так, сэр. Но в свое время я приносил книги читателям и убирал их обратно на полки, поэтому сделал это... машинально, что ли. — Его улыбка выглядела вполне искренней, когда он добавил: — Терпеть не могу, когда книги лежат на столах и их никто не читает.

— Ясно, — сказал Брунетти. — Прошу вас, продолжайте!

— Я отнес книги на первый этаж, на абонементный стол. Дотторесса Фаббиани как раз вернулась с совещания. Увидев труд Кортеса, она захотела на него взглянуть. Взяла книгу, открыла ее и сразу поняла, что случилось. — Сартор вдруг заговорил медленнее, словно сам с собой: — Не пойму, как он сумел это сделать... В читальном зале обычно есть кто-то еще.

Брунетти проигнорировал этот комментарий.

— Почему дотторесса Фаббиани открыла именно эту книгу? — спросил он.

— Сказала, что читала ее еще студенткой, в университете, и ей очень понравилась иллюстрация с изображением ацтекского города. Она взяла фолиант и открыла его... — Охранник на мгновение задумался и добавил: — Еще дотторесса сказала, что ей было очень приятно увидеть эту книгу через столько лет. — И заметив выражение на лице Брунетти, пояснил: — Те, кто тут работает, — они любят книги, понимаете?

— Так вы говорите, что в читальном зале обычно больше одного посетителя? — мягко поинтересовался комиссар.

Сартор снова кивнул.

— Да, сэр. Обычно там сидит пара научных сотрудников, и еще приходит один мужчина — последние три года он читает теологические труды. Мы прозвали его Тертуллиан: это была первая книга, которую он попросил, и эта кличка к нему прилипла. Он ходит в библиотеку ежедневно; тут его уже считают чуть ли не вторым охранником.

Решив не уточнять, каких именно авторов предпочитает Тертуллиан, Брунетти сказал с улыбкой:

— Я могу эту понять.

— Что именно, сэр?

— Доверие, которое вы испытываете к человеку, годами читающему труды по теологии.

Сартор нервно улыбнулся — реакция на тон, которым это было произнесено.

— Пожалуй, с нашей стороны это было халатностью, — сказал он. И, не дождавшись ответной реплики, добавил: — Ну, я имею в виду охрану. В библиотеку приходит мало людей, и через какое-то время к ним как бы привыкаешь... и теряешь бдительность.

— А это риск, — позволил себе заметить Брунетти.

— И это еще мягко сказано! — раздался женский голос у него за спиной.

Комиссар обернулся, чтобы поздороваться с дотторессой Фаббиани.

Высокая, сухопарая, она неуловимо напоминала изящных, тонконогих птиц, которых называют береговыми — ими некогда изобиловала лагуна, — цапель, аистов, ибисов. Коротко стриженные, плотно прилегающие к черепу седые волосы делали голову директрисы похожей на птичью, и, сцепив руки за спиной, она имела привычку так же, как птица, чуть наклоняться вперед. Картину довершали туфли большого размера на длинных худых ногах.

Дотторесса Фаббиани быстрым шагом приблизилась к говорившим, высвободила из-за спины правую руку и протянула ее Брунетти.

— Я — Патриция Фаббиани, — сказала женщина. — Директор библиотеки.

— Сожалею, что наше знакомство состоялось при таких обстоятельствах, дотторесса! — Брунетти предпочитал начинать разговор с шаблонных вежливых фраз: это давало время на то, чтобы понять, что за человек перед тобой, и выбрать верную тональность.

— Пьеро, ты посвятил комиссарио в детали? — спросила дотторесса у охранника, используя фамильярное *tu*[20], как если бы он был ее другом, а не подчиненным.

— Я сказал, что отнес книгу на абонементный стол, но того, что страницы вырваны, не заметил, — ответил Сартор, не обращаясь к директрисе напрямую, и Брунетти так и не смог понять: неформальный тон в общении с начальством — местное правило или все-таки нет? Такое допустимо в обувном магазине, но не в библиотеке.

— А что с остальными книгами, которые он брал? — спросил Брунетти у дотторессы.

Женщина закрыла глаза, и он представил себе, как она их открывает и... видит обрывки вместо нескольких страниц.

— Я попросила, чтобы книги принесли из хранилища, как только увидела ту, первую. Еще три тома... И в одном из них недоставало девяти страниц.

Комиссар подумал, что она наверняка проверяла книги без перчаток. Вероятно, библиотекарь, видя фолианты, которые, возможно, пострадали, испытывает такое же сильное желание проверить их, как врач — обработать кровоточащую рану.

— Насколько серьезен причиненный ущерб? — спросил комиссар, надеясь по ее ответу составить представление о том, какова цена этого преступления.

Крадут обычно ценные вещи, но ценность — понятие относительное, и Брунетти прекрасно это понимал. Единственное исключение — деньги. Любой другой объект может представлять для кого-то сентиментальную ценность, а может — и рыночную. В последнем случае она определяется уникальностью, степенью сохранности и тем, как сильно этот объект хотят заполучить. Как оценить в деньгах красоту? Историческую ценность? Брунетти окинул быстрым взглядом книги на передвижной этажерке, стоящей у стены, и тут же отвернулся.

Директриса посмотрела на него, и он увидел глаза не береговой птицы, а очень умного человека, сознающего, насколько сложным, многовариантным может быть ответ на этот вопрос.

Дотторесса Фаббиани взяла с ближайшего стола несколько листов бумаги.

— Мы уже начали составлять список томов, которые этот человек заказывал со дня своего первого посещения, включая те, что я осмотрела сегодня, — сказала она, даже не взглянув на передвижную этажерку с книгами, стоявшую у нее за спиной. — Как только все наименования будут установлены и мы их проверим, станет ясно, что еще он украл.

— Как долго он посещал библиотеку?

— Три недели.

— Вы можете показать поврежденные книги, те, что уже обнаружили? — спросил Брунетти.

— Да, конечно, — ответила директриса. Она повернулась к охраннику и сказала: — Пьеро, повесь на дверь объявление о том, что библиотека закрыта. По техническим причинам. — И, уже обращаясь к Брунетти, с горькой улыбкой добавила: — Полагаю, это недалеко от истины.

Комиссар предпочел промолчать.

Дотторесса Фаббиани спросила у охранника, который уже начал писать объявление:

— В читальном зале кто-нибудь есть?

— Нет. Кроме Тертуллиана, никого не было, но и он уже ушел.

Пьеро Сартор взял листок с объявлением, достал из ящика стойки-ресепшен рулон скотча и направился к входной двери.

— *Oddio!*[21] — еле слышно произнесла директриса. — Я о нем совсем забыла. Как если бы он был нашим служащим или вообще предметом мебели.

Она тряхнула головой, словно укоряя себя за рассеянность.

— О ком идет речь? — спросил Брунетти.

Интересно, совпадут ли ее пояснения с тем, что рассказал ему охранник?

— Этот человек приходит к нам уже несколько лет, — ответила директриса. — Он читает религиозные трактаты и очень вежлив со всеми.

— Понятно, — сказал Брунетти, отбрасывая эту информацию как несущественную, по крайней мере на данный момент. — Прошу, объясните мне, как посетитель получает доступ к вашим фондам.

Директриса кивнула.

— Правила очень просты. Резиденты предъявляют *carta d'identita`*[22] и документ, подтверждающий их нынешнее место жительства. Для того чтобы получить доступ к некоторым книгам, не резиденту Венеции нужно предоставить подробное описание своего исследовательского проекта, рекомендательное письмо из научного учреждения или другой библиотеки, а также документ, удостоверяющий личность.

— А как эти люди узнают, могут они у вас работать или нет? — Заметив ее недоумение, комиссар понял, что неправильно сформулировал вопрос. — Я имею в виду, как узнать, что за книги хранятся в вашей библиотеке?

Дотторесса Фаббиани удивилась настолько, что даже не подумала это скрыть.

— Эта информация доступна онлайн. Каждый ищет то, что ему нужно.

— Разумеется... — Брунетти смутился. Действительно, он задал глупый вопрос. — Когда я учился, было иначе. — Он посмотрел по

сторонам и сказал: — Все было по-другому.

— Вы у нас бывали? — спросила директриса заинтересованно.

— Несколько раз, когда посещал *личе´о*[23].

— И что вы читали?

— По большей части историю. Римлян. Иногда греков. — Чуть подумав, Брунетти счел нужным добавить: — Но всегда в переводах.

— В рамках учебной программы? — спросила дотторесса Фаббиани.

— Иногда, — сказал Брунетти. — Но чаще потому, что мне нравились авторы.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ